

Колодцы и печи:  
ритуализированная утилизация освященных предметов  
в постсоветской православной традиции

Дмитрий И. Антонов

*Российский государственный гуманитарный университет,  
Москва, Россия, antonov-dmitriy@list.ru*

*Аннотация.* В статье рассматриваются актуальные в постсоветской России практики уничтожения «церковного мусора» – предметов, употреблявшихся в церковном обиходе, но в силу разных причин подлежащих утилизации. Это ритуальные объекты, состарившиеся, испортившиеся и вышедшие из употребления (церковная утварь, одеяния и проч.), либо бытовые предметы – тряпки, веники, моющие средства, которые использовались в храме. В представлениях, распространенных в современной церковной и прицерковной среде, все они являются носителями благодати, которая передалась им разными способами – через освящение, контакт с реликвиями или просто благодаря нахождению в церковном пространстве. Объекты такого типа не могут быть утилизированы обычным способом, наравне с заурядным мусором. В церковной традиции уже в Средние века существовали разные способы ритуализированной утилизации освященных предметов. В постсоветской России, с быстрым возрождением храмов и монастырей, многие традиции не просто восстанавливаются, продолжая дореволюционные, но конструируются заново. Это относится и к практикам утилизации «церковного мусора». В статье проанализированы материалы, собранные в ходе экспедиций по югу Нижегородской области и в ходе опросов в московских храмах и монастырях.

*Ключевые слова:* религия, христианство, сакральные объекты, утилизация, иконы

*Для цитирования:* Антонов Д.И. Колодцы и печи: ритуализированная утилизация освященных предметов в постсоветской православной традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 30–43. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-30-43

## Wells and furnaces. Ritualized disposal of sacred objects in post-Soviet Orthodox tradition

Dmitrii I. Antonov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,  
antonov-dmitriy@list.ru*

*Abstract.* The author discusses practices of the destruction of the ‘church garbage’ (items that were used in church, but for various reasons became subject to disposal) in present-day Russia. These are ritual objects that have aged, deteriorated and fallen out of use (church utensils, robes, etc.), or household items – rags, brooms, detergents – that were used in the ecclesiastical space. All these objects are supposed to possess the invisible virtue, which was transmitted to them in various ways – through consecration, contact with relics or simply by being in the church. Objects of that type cannot be disposed in the usual way, along with ordinary garbage. In the church tradition, already in the Middle Ages, there existed different ways of ritualized disposal of consecrated objects. In post-Soviet Russia, with the rapid revival of churches and monasteries, many traditions are being restored – or constructed anew. That also applies to the practices of disposal of ‘church garbage’. The article is based on the materials collected during expeditions to the south of the Nizhny Novgorod region and during surveys in Moscow churches and monasteries.

*Keywords:* religion, Christianity, sacred objects, disposal, icons

*For citation:* Antonov, D.I. (2022), “Wells and furnaces. Ritualized disposal in post-Soviet Orthodox tradition”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 30–43, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-30-43

Начиная с первых веков формирования церковной христианской традиции огромное влияние на религиозные практики христиан оказало представление о переносе благодати – незримой силы, исходящей от тел мучеников и других реликвий – через физические объекты и тактильные взаимодействия. Это архаическое представление, которое христиане заимствовали из римских, а отчасти из ближневосточных религиозных традиций, оказалось глубоко адаптировано и в церковных обрядах, и в религиозном обыходе мирян. На нем основаны базовые для традиционных Церквей ритуалы: хиротония священников через возложение рук и омофора на голову посвящаемому для передачи апостольской благодати; рукоположение в епископский сан с возложением на голову рас-

крытого евангелия; освящение храмов через внесение частиц святых мощей, помещаемых в основание алтаря и/или в антиминс на алтаре (мощи также интегрировали в церковные стены) и др.

И на Востоке, и на Западе христианского мира быстро распространилось представление о том, что благодать распространяется не только через мощи святых и контактные объекты (брандеа), касавшиеся их, но и через изображенные тела святых – иконы, фрески, круглую скульптуру. В этом плане понятие «реликвия», как справедливо указывал Стивен Хупер, нельзя ограничивать лишь мощами святых и брандеа – к этой категории относятся также образы святых и другие религиозные объекты [Ноорег 2014; о реликвиях в восточнохристианской традиции см. также: Лидов 2003; Лидов 2006]. Кроме того, важнейшим способом сообщить благодать различным предметам оказывался ритуал. Освящение придает материальным объектам высокий знаковый статус и предполагает их использование уже в сакральном контексте. Наконец, широко распространились представления о том, что благодать передается любым предметам, так или иначе связанным с церковью и духовенством. Апроприация сакральной силы происходит как по контактному принципу (в качестве оберега или лечебного средства могли использовать даже пыль и мох с церковных стен), так и по визуальному (симпатическому) – изображения благодатных религиозных объектов (храмов, монастырей, реликвий и т. п.) нередко использовались в религиозном обиходе, даже если они не являлись евлогиями и не прикладывались к материнской святыне.

Представление о незримом распространении благодати веками определяло множество религиозных практик, в том числе направленных на создание и использование многочисленных брандеа. Однако, как я уже показывал в нескольких работах, для передачи благодати по контактному принципу вовсе не обязательно тактильное взаимодействие с реликвией [Антонов 2018; Антонов 2021]. Как ни парадоксально это звучит, контакт может быть дистантным. Это возможно в силу того, что реликвии – будь то мощи святого, почитаемое брандеа или чудотворный образ – обладают, в представлении носителей традиции, вторым, незримым телом. Его формирует благодать, которая окружает святыню в некоей зоне – трудно определяемой, но безусловно очерченной в пространстве. Приближение к почитаемому объекту воспринимается как контакт с благодатью, исходящей от него и оказывающей влияние на все, оказавшееся в определенной близости к реликвии. Такое приближение способно исцелить человека, отогнать неприятеля, сообщить плодородие полю, прекратить пожар, освя-

тить пространство и т. п., а кроме того, «зарядить» любой объект силой материнской святости, превратив его в брандеа, вторичный переносчик благодати.

В этой статье я хотел бы рассмотреть отдельную, весьма интересную проблему, связанную с представлением о незримом распространении благодати. Речь пойдет о «церковном мусоре» (как его иногда называют в монастырях и храмах) – предметах, использовавшихся в церкви в религиозном или в хозяйственном обиходе, но в силу разных причин подлежащих утилизации. Это могут быть как ритуальные объекты (церковная утварь, одеяния и проч.), состарившиеся, испортившиеся и вышедшие из употребления, так и бытовые предметы (тряпки, веники, моющие средства), которые использовались в церковном пространстве и которым невольно передалась благодать. И те, и другие воспринимаются в православной и католической традиции как объекты, наделенные незримой силой, а следовательно, не подлежащие обычной, профанной утилизации. Как правило, их не пытаются использовать в качестве брандеа, так как сам объект – носитель благодати имеет в культуре слишком низкий статус (изношенная, рваная одежда, предмет, связанный с уборкой, грязью, мусором). Иными словами, здесь возникает конфликт между двумя ракурсами в оценке одного объекта – в знаковом плане он маркируется безусловно положительно, в материальном – отрицательно<sup>1</sup>. В самых разных культурных традициях предметы такого рода стремятся устранить, ликвидировав эту нежелательную двойственность – для этого прибегают к особым, ритуализированным действиям. Применительно к «церковному мусору» это означает необходимость ликвидировать физическое тело объекта, не осквернив при этом его второе «тело» – незримую благодать.

Предлагаемая читателям работа дополняет подборку статей, которую мы подготовили с коллегами для журнала «Живая старина» (вып. 1, 2022 г.). В ней практики ритуализированной утилизации рассмотрены нами на материалах двух экспедиций, проведенных в 2021 г. на юго-западе Нижегородской области, а также серии опросов в ряде московских монастырей (Сретенский, Высоко-Петровский, Иоанно-Предтеченский и др.) и церквей (Сергия Радонежского в Крапивниках, Вознесения Господня у Никитских ворот, Воскресения Словущего на Успенском Вражке, Петра и Павла у Яузских Ворот и др.). В статье, написанной мной совместно с С.М. Тюниной, а также в отдельной вводной работе

---

<sup>1</sup> О взаимосвязи «вещности» и «знаковости» см.: [Байбуurin 1981, с. 216–218].

речь идет о том, как объясняют и мотивируют различные практики современные носители традиции – церковные служащие, прихожане, монахи, священники. Там же опубликованы тексты многих интервью. В этой статье я хотел бы сделать общий аналитический обзор проблематики, определив круг объектов, которые подлежат в актуальной церковной традиции ритуализированному уничтожению, а затем перечислив ключевые практики утилизации, которые нам удалось зафиксировать в ходе исследований 2021 г.

Прежде всего особой утилизации в церковном хозяйстве и в православных сообществах – как это происходило и раньше – подлежат освященные предметы. Ситуации, когда их дальнейшее использование невозможно, возникают регулярно. Чаще всего это относится к освященной воде, которая остается после крещения. Ее нельзя выпить или употребить другим способом, но и слить в канализацию, наравне с обычной грязной водой, как правило, считается недопустимым. Соответственно, для ее утилизации создаются специальные места. То же относится к воде или маслу, которые освящаются в рамках других ритуалов<sup>2</sup>, если они каким-либо образом портятся и их дальнейшее использование становится невозможным. Помимо жидкостей, ритуализированным способом должен быть уничтожен и любой другой объект, который был освящен – от пищи, если она пришла в негодность после освящения, до икон или ритуальных атрибутов (литургических сосудов, крестов и др.), если они оказались непоправимо испорчены.

Вполне предсказуемо, что аналогичный статус обретают и широкий круг объектов, которые прикасались к святыням физически или находились с ними в непосредственной близости и тем самым впитали их благодать. Больше того, статус освященных объектов зачастую обретают и некоторые вещи, просто находившиеся в храме – не обязательно возле почитаемых икон и реликвий. Предполагается, что благодать, присутствующая в церкви, сообщается находившимся в ней предметам – как правило, тем, что использовались для украшения: «В церкви, что, это все святое, там освященное, там Святой Дух» (Инф. 3). Если это возможно, такие предметы стремятся использовать – к примеру, употребляя Троицкую зелень (траву, листья, ветви) или цветы, которыми декорировали к празднику иконы, в качестве лекарственного средства. В противном случае их могут либо собирать для ритуализированного уничтожения, либо выбрасывать наравне с обычным мусором – статус таких украшений неоднозначен, и их оценивают по-разному.

---

<sup>2</sup> Не считая, разумеется, воды в природных водоемах и источниках, которую ни в какой ситуации невозможно и не нужно утилизировать.

Отдельную категорию объектов, которые не подлежат обычной утилизации, составляют предметы-«спутники», которые обрели особый статус благодаря тому, что находились рядом с освящавшимися объектами и невольно обрели благодать. Это упаковочные материалы (бумага, пластик, веревки), тара (бутыли, коробки, пакеты), ценники и проч. – в современной традиции их часто отделяют от обычного мусора и относят к церковным предметам<sup>3</sup>. При этом бутылки из-под святой воды или освященного масла иногда промывают и выпивают слитую воду (либо же выливают ее в особое место), а саму бутылку высушивают, чтобы испарились даже невидимые глазу остатки освященной влаги. После этого саму бутылку либо уничтожают ритуализированным способом, либо выбрасывают, полагая, что она лишилась своего статуса.

Следующая группа объектов – моющие и чистящие средства. Вода, которой мыли пол и стены в храме, в которой стирали церковные одежды и ткани, и тем более которой протирали иконы и реликвии, получает высокий знаковый статус и не может быть вылита обычным способом. То же самое происходит с вениками, тряпками и другими средствами для уборки храма.

Наконец, особой утилизации подлежит широкий круг предметов, на которые нанесены либо религиозные изображения – иконы, храмы, кресты, либо священный текст – молитва, цитата из Священного Писания и т. п. Это церковная литература, от книг до журналов, различная полиграфическая продукция (календари, блокноты, наклейки и проч.), посуда, упаковка товаров, продаваемых в церковной лавке, и многое другое. К этой группе предметов могут относить и поминальные записки. Их статус определяется не только тем, что они включены в церковное обрядовое действие и находятся в алтаре, но и тем, что на них изображены кресты: «Так же как записки пишут за здравие, да, там сверху крестик – вот это вот записки потом все собирают и сжигают» (Инф. 2).

Каким бы способом предметы ни обрели благодать, способы их утилизации предполагают определенный набор практик, порой

---

<sup>3</sup> Способы их утилизации иногда обсуждают на православных сайтах и форумах. См., к примеру: «Для меня неразрешимая трудность – вопрос: как обращаться с предметами, которые были в контакте со святыней, чтобы соблюсти достоинство святыни, при том, что обёртки, баночки, бутылочки, и др. не могут быть использованы в дальнейшем обиходе ни в бытовом, ни тем более – в сакральном». Пост пользователя Аника (Казахстан) на форуме сайта «Азбука веры». 19 августа 2018 г. URL: <https://azbyka.ru/forum/threads/osvjaschjonnje-predmety.21523> (дата посещения 07.12.2021).

довольно оригинальных. Многие из них известны в традиционной культуре, где они применяются к вещам, задействованным, к примеру, в похоронно-поминальной обрядности (как вода или полотенце, которые оставляют на 40 дней для покойника и т. п.) – такие объекты чаще всего сжигают, закапывают/выливают в «непопираемую землю» или сливают/опускают в воду. Аналоги этим практикам мы найдем в разных религиозных традициях (можно вспомнить еврейские *генизы*, хранилища для старых свитков Торы и других священных текстов). Представление об особом статусе сакральных предметов делает невозможной их утилизацию наравне с бытовыми отходами.

В Средние века практики ритуального сожжения и захоронения освященных предметов распространились и в православном, и в католическом мире. Иногда они оформлялись в виде свода правил, чаще практиковались в церковной среде без особой регламентации. В современной практике они сохраняют актуальность, причем в православных сообществах их передают из уст в уста, гораздо реже в виде кратких распечатанных инструкций, которые выдают покупателям в церковных лавках. Ни священники, ни служители, опрошенные нами в храмах и монастырях Москвы, Московской и Нижегородской областей, не смогли указать никакой текст, который регламентировал бы утилизацию освященных предметов.

У католических авторов апелляции к каноническим правилам, напротив, акцентированы – описывая способы утилизации освященных предметов, они ссылаются прежде всего на 1171 статью Кодекса канонического права 1983 г., которая гласит: “Sacred objects, which are designated for divine worship by dedication or blessing, are to be treated reverently and are not to be employed for profane or inappropriate use even if they are owned by private persons”. «Почтительная утилизация» (respectful disposal) церковных предметов предполагает, что они будут сожжены или захоронены. Как говорится в популярной сегодня инструкции, опубликованной на сайте Римско-Католической Епархии Сьюпириора (Висконсин, США), на которую ссылаются авторы ряда католических сайтов: “The proper disposal of votive candles and other devotionals, if they have been blessed, is to burn or to bury them, most preferably the former in the case of candles. Letting candles burn down entirely, or, if this presents a hazard should the glass candle holders break, burn them by themselves. It is not a sin to throw away blessed items, but out of proper respect, one should dispose of them in this way”. То же относится к неосвященным предметам, на которых изображено или написано что-либо, связанное с христианством, хотя, в отличие от церковных объектов, их можно выбросить, и в этом не будет греха: “If devotion-



als have not been blessed, such as some of the holy cards and such that come through the mail, those are simply pictures and can be thrown away. If you feel uncomfortable throwing them away, you can burn or bury them as well"<sup>4</sup>. Если речь идет о более значимых, литургических предметах, то правила утилизации становятся более строгими и приближаются к тем, что мы встречаем во многих российских церковных сообществах. Предметы, которые могут сгореть, подлежат сожжению. При этом пепел рекомендуют собирать и закапывать на церковной земле или на территории католического кладбища (аналогичным образом предписывают захоранивать пепел и несгоревшие остатки от сжигаемых церковных книг). Предметы, которые не горят, необходимо разобрать так, чтобы исключить возможность какого-либо профанного использования их самих или их частей, а потом захоронить фрагменты – там же, где хоронят пепел. Если же литургический объект сделан из металла и может быть переплавлен, прежде чем отправить его на плавильный завод, нужно разобрать или разрушить его таким образом, чтобы любая его опознаваемая часть не могла быть использована каким-либо способом и не было нарушено каноническое правило 1171 статьи<sup>5</sup>.

В российских православных монастырях и храмах в целом применялись аналогичные правила утилизации. Однако в постсоветский период, с масштабным развитием церковной инфраструктуры и индустрии, с быстрым распространением религиозных предметов и образов, здесь, вполне предсказуемо, возникло много интересных вариаций.

Для утилизации жидкостей – как освященных, так и использовавшихся для уборки храма – применяют несколько стратегий. Если на территории монастыря или рядом с храмом есть родник или рядом протекает река, естественным способом утилизации оказывается сливание жидкости в воду – при этом важно, чтобы вода была проточной, а не стоячей, как в озере или пруду. Как и в традиционных славянских культурах, текущая вода воспринимается как «чистое» место для совершения многих обрядовых практик и в этом плане противопоставляется стоячей. Если источника или реки рядом нет, нередко прибегают к другому способу, также хорошо известному в славянских традициях – сливают воду в «непопираемую» землю. Это вариация благочестивого захоронения

---

<sup>4</sup> Disposal of Religious Items // Diocese of Superior, Wisconsin. URL: <https://catholicdos.org/disposal-of-religious-items> (дата посещения 07.12.2021).

<sup>5</sup> Там же. Разные вариации этих правил повторяются на многих сайтах.



объекта – носителя благодати. В качестве «непопираемого» места нередко используют монастырские клумбы или резервуары естественного происхождения: «Есть место, это просто шахта. Воду святулю выливают в нее, а не абы как. Получается, что она предается земле. То, что святое или освящено, должно быть предано земле» (Инф. 5).

Однако чаще всего для утилизации жидкостей используют специальный тип объектов – церковные ямы, колодцы, резервуары. Емкости бывают организованы по-разному и получают разные названия: «пещерка», «яма», «коробка», «бассейничик». Такие объекты, вместе с «церковными ямами» и печами, о которых мы поговорим ниже, формируют особую храмовую инфраструктуру, связанную с ритуализированной утилизацией объектов.

Во многих монастырях юга Нижегородской области, где проходили наши экспедиции 2021 г., утилизируемую воду разделяют на два типа – ту, что применялась для уборки наоса, и ту, что использовали в алтаре. Предполагается, что вторая обладает более высоким статусом и ее недопустимо сливать даже в тот колодец, куда выливают воду из основного пространства храма. Соответственно, на территории монастыря создается два колодца – церковный и алтарный. В последний, как правило, сливают и воду, которую применяли для очистки икон и реликвий, воду, оставшуюся от крещения, и другие «высокостатусные» жидкости, если их необходимо утилизировать. Сами колодцы, как правило, не различаются по внешнему виду. Они могут выглядеть как обычные колодцы или закрытые ямы, часто с изображением креста, либо как деревянные постройки, напоминающие небольшие часовни – с куполами и крестами.

Что касается твердых предметов, то их, как правило, сжигают, и здесь возникает уже больше вариаций. Чаще всего для сожжения используют церковную печь – там жгут поминальные записки, обертки от освященных товаров, полиграфическую продукцию, а также тряпки и упаковки от чистящих средств, использовавшихся в храме. Кроме того, сжигать такие предметы могут на кострах, в ямах или в металлических ящиках на прихрамовой территории. Частным образом такие объекты рекомендуют сжигать на дачных участках или в лесу, закапывая пепел или используя его в огороде на грядках.

Как и в случаях с раздельной утилизацией воды из наоса и алтаря, в некоторых монастырях используют две отдельные печи, где сжигают предметы из храма и, отдельно, из его алтарной части. Иногда эти печи объединяются с ямами. К примеру, в Знаменском скиту (до недавнего времени относился к Серафимо-Дивеевскому монастырю) вместо двух печей используют две специально соору-

дованные ямы: сверху они закрываются железными крышками, а внутрь вмонтированы железные решетки. Предметы из церкви или из алтаря сжигают на этих решетках, а пепел, проваливаясь вниз, сразу же оказывается на дне ямы. По нашим полевым данным, эта традиция характерна для монастырей и монастырских скитов юга Нижегородской области, но неизвестна в монастырях находящегося рядом Муроме и в отдельных монастырях Владимирской области, где мы успели провести опросы. Это, как и многое другое (убранство советских икон определенных типов, популярные моленные образы и др.), определяется влиянием Серафимо-Дивеевской традиции.

Если для сожжения используют отдельную печь, то пепел из нее выгребают и захоранивают разными способами. Иногда его закапывают в «нехоженном» месте – на грядках, в огороде, под деревьями и проч. Однако эта практика вызывает у некоторых респондентов сомнение – любое «нехоженое» место все же не гарантирует, что по нему не пройдут люди. Неудивительно, что зачастую для пепла сооружают специальную яму, оборудованную крышкой или люком, чтобы предотвратить его распыление. На юге Нижегородской области в случае, когда используются две печи, им часто соответствуют две отдельные ямы. Церковь или монастырь организуют два колодца для жидкостей, а также две печи и две ямы, которые используются для утилизации более и менее символически значимых предметов.

В больших городах все эти практики оказываются затруднительны. Далеко не у каждой церкви есть место для закапывания пепла и несгораемых предметов, да и само разведение огня часто не допускается в городском пространстве. Храмовым служащим приходится либо вывозить свой мусор в лес, чтобы сжечь и/или закопать его там, либо передавать его для утилизации в другую церковь, где имеется храмовая печь. Мелкие предметы в городских церквях могут закапывать, если территория позволяет организовать яму.

Еще один известный вариант утилизации таких предметов – принесение их в часовню, где они могут храниться долгое время (после чего их сжигают, топят или закапывают). Пакеты с церковными обертками, календарями, блокнотами, крестиками и проч. можно встретить в некоторых часовнях вместе со старыми иконами, которые традиционно приносят либо туда, либо в храмы.

Более редкий вариант утилизации – утопление, пускание по воде. Топят либо сами предметы, либо пепел, который остался после их сожжения. Самый необычный способ пускания церковного «мусора» по воде, который нам удалось зафиксировать, предврался цементированием предметов: «А батюшка вот что разбирал,

они в Тешу [название речки] че-то заливали чем-то, цементом или чем-то, и где-то поглубже бросали. [А почему так делали?] Святыня. <...> [Что было в цементе?] <...> Там много чего такого, все это убирали они аккуратненько. [Что надо утилизировать в воду?] Ну, старые там, чего-то, книги, я не знаю, железки там какие-то были... [Их нельзя было сжечь?] Да, да, заливали, и все, в Тешу глубоко...» (Инф. 4).

В современных храмах утилизировать многие вещи людям предлагают самостоятельно – вместо того, чтобы нести их в храм, избавляться от них следует дома, соблюдая определенные правила. Во многих церковных лавках покупателей информируют – чаще в устной форме, реже с помощью письменных инструкций – о том, что предметы с изображением святых образов, оберточные материалы от освященных предметов и т. п. нужно сжигать или захоранивать. Иногда вместо инструкции работники спрашивают, хочет ли покупатель сжечь обертку (ценник, веревочку...) самостоятельно или предпочитает, чтобы ее отрезали в лавке и сожгли в церковной печи. На православных форумах можно найти множество рассуждений о том, как именно люди утилизируют предметы в городских квартирах и загородных домах. В отличие от церковных хозяйств, здесь редко создают стационарные объекты – ямы, колодцы, ящики и проч. В качестве «непопираемой земли» в городе могут использовать цветочные горшки или клумбы. Но возрастающее количество таких предметов все чаще провоцирует разговоры о том, что нужно стараться не покупать их и тем самым воздействовать на производителей, чтобы они не изготавливали бытовые предметы со святыми образами и не провоцировали людей на их последующее осквернение при неверной утилизации: «Возможное сжечь – сжигаю, остатки закапываю в землю. Пластик промываю водой, воду сливаю в емкость, потом выливаю в ямку и закапываю. Что можно приношу в храм для сжигания в специальной печи для сжигания. Также сейчас надо смотреть, чтобы не приобрести какую-нибудь вещь с православной символикой в магазине, например изображения на упаковке хрюшек с одной стороны, а на другой – купола церкви»<sup>6</sup>.

Размышляя о существующих практиках утилизации «церковного мусора» и стараясь найти в них общую логику, носители традиции могут апеллировать к представлениям, актуальным, скорее, для эзотерических, магических традиций, которые широко пред-

---

<sup>6</sup> Пост пользователя с ником «Алесеика, православный христианин», от 01.09.2018. Околоцерковные суеверия (раздел форума) // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/forum/threads/osvjaschjonnnye-predmety.21523/page-2> (дата посещения 07.12.2021).

ставлены в популярных современных изданиях. Так, одна наша собеседница утверждала, что суть разных видов утилизации церковных предметов заключается в том, чтобы «предать их стихии»: «То, что прикасается к святыне, потом как бы утилизировать просто в помойку нехорошо, поэтому называется “предавать стихии” <...> То есть четыре стихии, там, сжигают, там огонь, воздух получается. Или в землю – там, не там, где люди ходят, а, как говорят, непопираемое место, там – могилки, там, если просфорки испортились, то в могилку закапывают, по которой не ходят, или вот в проточную воду, в речку. То есть, ну, чтобы не просто там в помойку это шло» (Инф. 1).

Как видим, разнообразие практик утилизации определяется не только физическими особенностями предмета (твердое/жидкое, сжигаемое/несжигаемое), но и его статусом. Хотя все описанные объекты воспринимаются в традиции как наделенные благодатью, они могут восприниматься как неравнозначные – более значимые предполагают обособленное сожжение и захоронение. В монастырской традиции юга Нижегородской области это порождает различные практики разделения «святого мусора» и создание обособленных резервуаров. При этом оценка многих предметов, их аксиологическое маркирование и выстраивание их «посмертной судьбы» (от выбрасывания до ритуализированного захоронения) может варьироваться и служить предметом дискуссий. Это не система прописанных констант, а результат взаимодействия локальных микротрадиций и индивидуальных оценок. И духовенство, и работники церкви могут быть либо противниками излишне благоговейного отношения к «церковному мусору», либо его адептами. Оценки священников, служителей храма и прихожан нередко расходятся. Сами работники церкви могут спорить и сомневаться, когда речь идет о предметах, чей статус не устоялся. Благодаря этому традиции обращения с «сакральным мусором» не только формируются и экспансивно расширяются, но и меняются, находясь в динамичном состоянии.

### *Благодарности*

Выражаю благодарность студентам факультета культурологии РГГУ – Софье Тюниной, Анастасии Завьяловой, Елене Климовой, Артему Кудозову, Милене Гаврицковой и Александру Морозову, которые участвовали в летней практике и в экспедициях 2021 г. и помогали в сборе материалов, описанных в этой статье.

### *Acknowledgements*

I would like to express my gratitude to the students of the Faculty of Cultural Studies of the Russian State University for the Humanities – Sofia Tyunina, Anastasia Zavyalova, Elena Klimova, Artem Kudozov, Milena Gavritkova and Alexander Morozov, who participated in the summer practice and expeditions in 2021 and helped in collecting the materials described in this paper.

### Список информантов

- Инф. 1 – жен., ок. 30 лет, работница храма, Высоко-Петровский монастырь, Москва, 2021 г.  
 Инф. 2 – жен., ок. 40 лет, продавщица в церковной лавке, храм Воскресения Словущего на Успенском Вражке, Москва, 2021 г.  
 Инф. 3 – жен., 1942 г.р., инокиня, Кутузовский скит Серафимо-Дивеевского монастыря, Кулебакский р-н, Нижегородская обл., 2021 г.  
 Инф. 4 – жен., ок. 45 лет, работает в церковной лавке 11 лет, церковь Св. Троицы, с. Тёплово гор. округа Кулебаки, Нижегородская обл., 2021 г.  
 Инф. 5 – жен., ок. 60 лет, работница храма, ц. Всемилоственного Спаса, Воинов, Москва (Новая Москва), 2021 г.

### *Литература*

---

- Антонов 2018 – Антонов Д.И. Два «тела» иконы: общение с сакральным образом как апроприация силы // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 7. С. 9–34.  
 Антонов 2021 – Антонов Д.И. Апроприация силы: незримое «тело» святости в христианских традициях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 7–25.  
 Байбурун 1981 – Байбурун А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. С. 215–226.  
 Лидов 2003 – Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 656 с.  
 Лидов 2006 – Реликвии в Византии и Древней Руси: письменные источники / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 437 с.  
 Hooper 2014 – Hooper S. Bodies, Artefacts and Images. A Cross-cultural Theory of Relics // Matter of Faith: An Interdisciplinary Study of Relics and Relic Veneration in the Medieval Period / Ed. by J. Robinson, L. de Beer, A. Harnden. London: The British Museum, 2014. P. 190–199.

## References

---

- Antonov, D.I. (2018), "Two 'bodies' of the icon. Communication with the sacred image as an appropriation of power", *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Literary Theory. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, no. 7, pp. 9–34.
- Antonov, D.I. (2021), "Appropriation of power. The invisible 'body' of the shrine in Christian traditions", *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 7–25.
- Baiburin, A.K. (1981), "The semiotic status of things and mythology", in *Material'naya kul'tura i mifologiya* [Material culture and mythology], Nauka, Leningradskoe otделение, Leningrad, USSR.
- Hooper, S. (2014), Bodies, Artefacts and Images. A Cross-cultural Theory of Relics, in Robinson, J., de Beer, L. and Harnden, A. (eds), *Matter of Faith: An Interdisciplinary Study of Relics and Relic Veneration in the Medieval Period*, The British Museum, London, UK, pp. 190–199.
- Lidov, A.M. (ed.) (2003), *Vostochnokhristianskie relikvii* [East-Christian relics], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Lidov, A.M. (ed.) (2006), *Relikvii v Vizantii i Drevnei Rusi: pis'mennye istochniki* [Relics in Byzantium and Old Rus'. Written sources], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.

## Информация об авторе

Дмитрий И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; antonov-dmitriy@list.ru

## Information about the author

Dmitriy I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; antonov-dmitriy@list.ru